

ИСТОРИЯ искусств перенасыще-на дамскими образами — уже первобытные люди создавали фигурки массивных женщин, которых потом назовут "палеолитическими Венерами". Художников — древних и авангардных — восторгала нежность, материнская суть, грация, а иногда и полное её отсутствие. Известны музы-жёны, порой не менее популярные, чем их мужья. Тому пример — Гала Дали, не особо привлека-тельная, зато эффектная спутница безумного сюрреалиста. Непременны и музы-любовницы, коих мы лицезрим даже на изображениях ренессансных Мадонн, подобно Формарине, смутив-шей и обаявшей Рафаэля Санти.

Создавались и устойчивые типажи, чаще всего основанные на личных пристрастиях того или иного живо-писца. Бытует понятие "боттичелли-евская девушка" — стройная златов-ласка с весенним дыханием. Есть "рубенсовская краса" — тяжеловес-но-холёное тело богатой фламандки. Брюлловские вариации — обяза-тельная брюнетка с тонким личиком. Под-руги и натурщицы Модильяни — все узки и сухи, но изысканны. Могучие пролетарки Дейнеки, отстраивающие новую вселенную, — это сила и мощь Страны Советов, размах плеч и шири-на бёдер. "Весомо, грубо, зримо".

Практически у каждого из худо-жников, за исключением последова-тельно несибаемых пейзажистов и анималистов, встречаются портреты женщин — одетых и не очень. В этом легко убедиться, побывав на выстав-ке "Великая", что проходит сейчас в Русском музее. Сказать, что экспози-ция обширна, — это ничего не ска-зать: затеян грандиознейший проект с привлечением шедевров. Их столь

шими фарфоровыми статуэтками, знающими все па котильона и тон-кости придворного флирта. "Как сад присутствием их ныне украшался, / Так будет краситься вся русская стра-на", — утверждал Александр Сумаро-ков. Серия "Смолянки" была написа-на по заказу монархини и считается вершиной творчества Левицкого. Гла-фира Алымова с арфой — любимица менторов и отъявленная франтиха. Её улыбка шаловлива и застенчива, а волосы убраны в затейливую куафю-ру с цветами, газовым покрывалом и жемчугами, обвивающими локон. Она прожила светную, яркую жизнь и скон-чалась уже при Николае I. Рядом — Наталья Борцова в чёрном барха-те — столь же манерна и лукава, как и соученица. Художник запечатлел её в танце — крохотная ножка в те лета восхищала больше, чем гибкий стан и ланиты Флоры, потому-то всё вни-мание обращено к туфелькам. Гoff-мейстерина, одна из первых дам Петербурга, она пережила всех — и наперсниц, и врагов, и Пушкина, вос-певшего поколение "пиковых дам", до самой смерти наряжавшихся в парики екатерининского века.

Шли годы, менялись звёз-ды. Елена Павловна, урож-дённая Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская, вышедшая замуж за великого князя Михаила, была умна, тактична и хо-роша собой. С Карлом Брюлловым она познакомилась в Италии и тут же заказала ему свой портрет, который нельзя назвать парадным — Елена Павловна с дочерью показаны в дви-жении, а крохотная Мария с зонтиком вообще отвернулась. Кажется, что малышка готова к озорству и лишь не-

творено. Впрочем, и сама девушка глядит задумчиво, да не на зрителя, а куда-то в сторону. Константин Ма-ковский написал жену в домашней обстановке. На Юлии — бархатно-кружевное одеяние, в руках — книга и ножичек для разрезания страниц. Не-обходимость этого инструмента объ-яснялась особенностями полиграфич-еского оборудования, выпуклавшего книги с неразрезанными страницами. Так, Анна Каренина доставала из сумочки "разрезной ножик и англий-ский роман". Михаил Врубель тоже часто писал свою обожаемую супру-гу — оперную диву Надежду Забелу, порой и в сценических уборах. Один из портретов можно увидеть в экспози-ции — певица облачена в фанта-зийный костюм начала XIX столетия с завышенной талией. В руке музы — лорнет. Художник сконцентрировался на тончайших драпировках платья, уловив море оттенков — от серого до розового, от кипенно-белого до оли-вового. Но только ли шёлково-парчо-вые дамы волновали художников?

оранжево-алых лент, разноцветья, вычурности!) — привычное оперение куртизанки, обслуживающей элиту.

Чарующ портрет Зинаиды Юсупо-вой — одной из несравненных богинь Серебряного века. Валентин Серов явил свой недюжинный талант, под-черкнув рафинированность аристо-кратки. Зинаида Николаевна слыла умной, пригожей, щедрой и скромной. Художник с упоением, едва ли не с лю-бовью, относился к своей заказчице. Жемчужные оттенки платья, розовый тон мебелировки, безмятежность, мяг-кий свет — вот уютная вселенная, в которой пребывала госпожа Юсупова.

Не менее восхитителен портрет Ольги Орловой — ещё одной блестя-щей патрицианки. Серов сосредото-чился на громадной шляпе, меховой накидке и ножке, кокетливо выстав-ленной на обозрение публики, тогда как лицо кажется фоновой деталью. Оно не самое интересное, а очи и вовсе пустоваты. Всё намекало на страсть княгини к нарядам. Оболочка важнее сути. Насмешливые совре-менники отмечали, что портрет Орло-вой — это сарказм художника в адрес модели, с которой ему не очень-то хотелось работать. Так или иначе, по-лучился истинный шедевр, да и сама Орлова не увидела колкостей.

Портрет Анны Ахматовой работы Натана Альтмана, пожалуй, самое узнаваемое изображение поэтессы. Несмотря на кубистические увлече-ния мастера, его героиня смотрится реалистично: элегантная худоба, полупрозрачные пальцы, профиль, чёлка — художнику удалось представить Ахматову и такой, как она была, и в то же время феей из страны грёз. Насы-щенная синева бархата подчёркивает художость, а ярко-жёлтая накид-ка максимально усиливает глубокий цвет платья. Это не просто удачный портрет — здесь завораживает коло-ристическая игра.

КАКОЙ ЖЕ разговор о женских портретах без упоминания жён, дочерей и сестёр художников? Очаровательна "Амазонка" в тёмном костюме для верховой езды. Михаил Нестеров изобразил свою дочь Ольгу на фоне спокойной природы — речная гладь не тронута ветром, всё умиро-

На картине Кузьмы Петрова-Вод-кина "Мать" мы видим одну из его "мадонн", крестьянку, которая кормит младенца грудью. Может ли быть что-то возвышеннее и проще этого акта? Художник выпестовал в себе исклю-чительную манеру, находясь на стыке Ренессанса, иконописи и хлётского авангарда. Петров-Водкин считал все оттенки красного главенствующим на-чалом живописи. Это жизнь и смерть, кровь и пафос, гнев и счастье. Алая юбка — горячий акцент всей компози-ции, а вот белый цвет был непонятен Петрову-Водкину, поэтому на его по-лотне белизна косынки, блузы и ска-терти брызжет синевой. С точки зре-ния художника, белый всегда имеет нюансы — розоватые, серые, фиоле-товые, в зависимости от освещения. У матери спокойно-отрешённый вид, как у всех Богородиц Кватроченто — мастер видит небесную роженицу в обыкновенной женщине, не рассужда-ющей о своей миссии.

Перечислить все шедевры этой впечатляющей выставки — немислио-мо. Это настоящий цветник, где каж-дая из роз уникальна. Кто-то из них прославился умом и талантом, кто-то — милым жеманством, а иные — богатством и щедростью. Собственно, великих мало, но все красивы, и каж-дая несравненна.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: автопортрет ве-ликой княгини Ольги Алексан-дровны. 1920 г.

ВИШНЕВСКИЙ

Очарованный композитор

Мы продолжаем презента-цию проекта "Светочи", раз-мещённого на сайте завтра.ру. Проект посвящён выдающим-ся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ЗАНИМАТЬСЯ музыкой все-рьёз Иван Сергеевич Виш-невский (9 декабря 1960 года — 15 октября 2018 года), сын известного журналиста-междуна-родника, собкора газеты "Правда" в Вашингтоне, начал чрезвычай-но поздно для музыканта, в 16 лет, когда после частных уроков пошёл в вечернюю музыкальную школу, и сам считал свой дар ком-позитора, сразу признанный и Ге-оргием Свиридовым, и Борисом Чайковским, и многими другими представителями этого профес-сионального цеха, как и многочис-ленными слушателями его про-изведений, результатом некоего божественного вмешательства в свою судьбу. "Случилось стран-ное: музыка мне стала сниться. Причём новая. Это было некое предвосхищение моей собствен-ной музыки, написанной спустя много лет... То, что выходит из-под моего пера, замечательно, но не только и не столько я это создаю..." — без ложной скром-ности говорил Иван Вишневский о результатах собственного твор-чества. Уже в мае 1978 года он поступил в музыкальное училище имени Октябрьской революции ("Фактически моё профессио-нальное образование до училища заняло около полугода. Так не бывает, но так случилось..."), а затем, в 1982 году, — на компо-зиторское отделение института имени Гнесиных. Вдобавок ко всему, уже на четвёртом курсе "Гнесинки" талантливому моло-дому композитору предложили работу в музыкальной редакции Всесоюзного радио, которой он с удовольствием занялся. Хотя, по мнению ряда друзей, радио, с его тяжёлой рутинной и нервозностью, помешало полётному таланту Ивана Вишневского, его компо-зиторской работе. Тем не менее, в те годы он вёл активную музы-кальную жизнь, его произведения регулярно исполнялись. Так, он участвовал в первом фестивале Отечественной хоровой музыки в 1990 году, был членом Бюро мо-лодёжной секции Союза компози-торов СССР.

Куда большей помехой стали ельцинские "рыночные реформы" и связанные с ними изменения в российском обществе. "Музыка вообще энергетическое искус-ство — здесь без биологической энергии делать совершенно не-чего. А у меня она была почти на нуле, горела красная кнопка, батарейки сели", — вспоминал композитор о "лихих девяностых", когда он из "композитора-акаде-миста, суперэлиты враз превра-тился в какое-то не совсем нуж-ное людям существо". Но в то же время он продолжал писать музы-ку — чаще всего "в стол", иногда же даже исполнялась — такими же непокорившимися музыкаль-ными подранками, как он сам, и это давало силы идти дальше.

Испытания не уничтожили стремления к истине, красоте и должной жизни — нет, они вы-звали у него внутреннее негодо-вание и протест, которые, помимо музыки, нашли своё выражение в передачах "Народного радио" (одним из организаторов, соавто-ром концепции и художественным редактором которого он был), телеканала "День ТВ", в публикаци-ях газеты "Завтра" (их было более 400!) газет "Советская Россия" и "Правда", сделав их автором одним из самых заметных публицистов патриотического направления. Иван Вишневский одновременно входил в Союз композиторов и Союз журналистов Москвы.

ЗАМЕТНЫМИ музыкальными событиями в жизни на-шей страны стало исполне-ние произведений Вишневского Владимирским муниципальным камерным хором "Распев" во главе с замечательным дирижёр-ром, музыкальным подвижником Натальей Александровной Ко-лесниковой. В Рахманиновском зале Московской консерватории прозвучал его концерт для хора на народные слова "Ладные пес-ни" (2005), хоровые сочинения на стихи Сергея Есенина, Николая Рубцова, других русских поэтов. Музыка Ивана Вишневского звучала на таких площадках, как Всероссийские хоровые ассам-блеи, исполнялась на Пасхальном фестивале (2006–2013), Патри-аршем фестивале "Песнопения Христианского мира" (в 2013–2014 годах он был президентом этого фестиваля и организовывал его проведение в Крыму, только вернувшись "в родную гавань"), "Московской осени" и других. Его сочинения исполнялись видными музыкантами и известными кол-лективами. Всё это было вопреки постсоветскому безвременью. Он принимал вызовы судьбы и выхо-дил победителем.

Последним его сочинением стала поэма для голоса и форте-пиано "Новороссия", где есть та-кая строка: "Брат, Россия остаёт-ся на тебя и на меня..." Эти слова можно считать творческим и че-ловеческим завещанием Ивана Сергеевича Вишневского.

Владимир ВИННИКОВ
Печатается в сокращении,
полный текст —
на сайте завтра.ру

НЕСРАВНЕННЫЕ

Выставка в Русском музее

много, что зритель поначалу теряет-ся. На что обратить внимание? Куда бежать? Кому отдать предпочтение? Здесь не просто знакомые имена: Аргунов, Левицкий, Брюллов, Маков-ский, Врубель, — тут пышное собра-ние картин, знакомых всем и каждому буквально с детства.

В залах царит обволакивающий полумрак, а в лучах подсветки выступа-ют лица, руки, трепещущие кружева и шляпы с траурными перьями. Царицы и актрисы, сёстры и дочери, реальные и полусказочные героини — далеко не все они могли бы считаться великими, и потому название кажется странно-ватым. Однако стоит ли говорить о такой мелочи, когда перед нами фе-ерия красок, форм, линий? Столетия и вехи — всё проносится пред взглядом созерцателя.

Кто не жалел злосчастную княжну Тараканову, прижимающуюся к холод-ной стене каземата? Авантюристка, бросившая вызов самой Екатерине, — такой её рисовали мифы и домыслы. Расхожая история галантного столе-тия — заговоры, маскарадная суета даже в политике, дворцовые переворо-ты. Константин Флавицкий одушевил предание, согласно которому мнимая дочь Елизаветы Петровны погибла в ходе наводнения. Как писал впослед-ствии Борис Пастернак, "Ты бьёшься, как билась княжна Тараканова, / Когда февралём залило равелин".

Тут же парадный портрет самодер-жицы, более всего страшившейся бун-товщиков и охотников за её короной. Екатерина явлена в светлом парчо-вом платье и горностаевой мантии; на изыщом столике — символы власти. Иван Аргунов, этот крепостной гений, враставшийся в светском обществе, был желанным гостем и при дворе. Императрице нравилось, что художник умело подчёркивал достоинства моде-ли, то есть лыстил самую малость. Это устраивало венценосную заказщицу, которая, с одной стороны, обожала лесть, но с другой — полагала, что мёд не должен быть чересчур сладок.

Дивны портреты смолянок, вос-петых Дмитрием Левицким. Обра-зованные и благовоспитанные девы взращивались в духе вольтеровского Просвещения, но никогда не забыва-лась их основная роль — быть ожив-

обходимость позировать вынуждает её умерить свой пыл. Брюллов про-демонстрировал всю воздушную прелесть Елены — покатые плечи, окру-глость рук, изящество талии, не забыв и о драгоценностях, среди которых — модный браслет в виде змейки. Голо-ва Елены убрана в причёску "а-ля шинуа", то бишь "по-китайски", с вы-сокими волосанными петлями, тугими валиками, гребнями и украшениями. В Париже кто-то решил, что сии при-чуды напоминают о китаянках и ази-атской экзотике.

Технично и детально выписан порт-рет Марии Николаевны, старшей дочери Николая I. Она уже многодет-ная мать — вокруг неё сыновья и до-чери. Дважды побывала замужем, и всё — по любви. Художница Христина Робертсон, англичанка при русском дворе, оставила после себя целую га-лерею августейших образов, а Мария Николаевна была одной из постоянных моделей. Робертсон удавалось под-чёркивать жёсткость и строптивый но-ров великой княжны, её схожесть с от-цом, как внешнейю, так и внутреннюю. Современники отмечали, что у Марии чеканный профиль и решительные движения, и это порой диссонировало с кружевами и розовыми оборками.

Сенсация! На выставку привезли "Неизвестную" Ивана Крамского — про-изведение так редко покидало стены Третьяковской галереи, что уже одно это говорит о беспрецедентности экспозиции. Популярность "Неизвестной" колоссальна. Её знают все. Это одна из визитных карточек русской живописи. В советских публикациях об этой же-нщине говорилось чутко и трепетно, как о "русской Джоконде" и "таинственно-волшебном лике", несущем свет через века. "Неизвестную" помещали на раз-вороты журналов — особенно тех, что были адресованы женщинам.

Кто бы мог подумать, что та над-менная брюнетка — премиальная "ка-мелия", как именovali дам полусвета с лёгкой руки Дюма-сына? Об этом вопиет любая деталь — например, двух-местное ландо, где занято лишь одно сиденье, и этот призывный взгляд, бросаемый на созерцателя. Обыва-тель знал доподлинно, что остро-модный и дорогостоящий, но притом скромный с виду костюм (о, никаких

рении "Монолог воина с поля Куликова":

*Как мы ляжем
костьми на поле, —
Так Россия с нас и начнётся
И вовек не кончится боле.*

Церковь Параскевы Пятницы (1795 г.), один из многочисленных бесхозных памятников архитектуры Белозерья

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Защитим Белозерск от урбанистов!

ЕСТЬ в Вологодской об-ласти небольшой город Белозерск. В летописи 862 года сказано: "И пришед, старший Рюрик сяде в Но-веграде, а Синеус, брат Рю-риков, на Белеозере". От этой

даты идёт отсчёт славной истории Белозерска. На Куликовом поле полег-ли пятнадцать князей Бело-зерских с дружинами. Поэт-белозёр Сергей Сергеевич Орлов так сказал в стихотво-

рении "Монолог воина с поля Куликова":

*Как мы ляжем
костьми на поле, —
Так Россия с нас и начнётся
И вовек не кончится боле.*

После того как Белозерье окончательно перешло к Мо-скве, Иоанн III повелел для за-щиты северных рубежей Руси возвести в Белозерье кре-пость — мощное фортифика-ционное укрепление. Глядя на величественный земляной вал и глубокий ров, переносишься в тревожный XV век, невольно испытываешь чувство гордости за своих предков, за Россию.

Но жизнь идёт вперёд. Ру-ководство Белозерского муни-ципального округа, поддержан-ное руководством Вологодской области, движимое благой це-лью сделать Белозерск более комфортным для населения, более привлекательным для туристов, в 2026 году приняло участие в XI Всероссийском конкурсе проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Проект "Городище" стал победителем этого конкур-са. Была определена смета, исто-чники финансирования.

Но... Оказалось, что проект предусматривает реставрацию объекта культурного наследия федерального значения! В обо-ронительном рву планируется разбить парковую зону с изви-листыми дорожками, скамейка-ми, дизайнерским озеленением, развлекательную зону с летней открытой эстрадой, фундамент которой будет опираться, а воз-можно и разрушать, "рубленую сыпь" XV века, а зрительский

амфитеатр поместится на про-тивоположной стороне рва. **Все эти "улучшения", наверное, интересны на макете, но абсо-лютно не вписываются в исто-рический облик фортификаци-онного сооружения.** Кроме того, с учётом климатических условий Белозерска дорожки, скамейки, сцена будут занесены снегом полгода, станут травмоопасным объектом для детей, многие по-коления которых используют вал и ров для катания с горок. Бюд-жет Белозерска, и в настоящее время с трудом справляющийся с покосом вала, вряд ли найдёт средств для поддержания в по-рядке заявленной о! реновации территории в размере 11,8 га.

Жители города комфорт-ность проживания связывают с бесперебойным снабжением питьевой водой, газификаци-ей, асфальтированием улиц. В исторической части города находится много разрушенных домов, на которые уже многие годы в муниципальном бюдже-те нет средств даже на снос. В городе разрушаются пустующие памятники культурного наследия регионального значения — купе-ческие особняки, разрушаются и требуют незамедлительных со-хранно-реставрационных работ бесхозные храмы — памятники архитектуры XVIII–XIX веков. Есть и другие животрещающие проблемы.

Жители Белозерска поддер-живают стремление руково-дства округа и области найти средства для благоустройства и надеются, что выделенные средства будут направлены на сохранение для потомков исто-рического города в его средне-вековом и купеческом образе.

Иван КОНДРАТЕНКО